

этих сокровищ, если бы в то самое время, как в Италии все живее становилось увлечение античным искусством и понимание его творений, в Элладе не появились турки, снова скрывшие от мира сокровища Греции.

Подобно Риму и почти каждому другому городу античного происхождения, Афины были усеяны бесчисленным множеством остатков древних сооружений, которые или валялись в пыли, или употреблялись самым неподходящим образом. Великолепные вазы и саркофаги служили корытами для водопоя, мраморные плиты из театров и портиков лежали у порогов или служили столами в мастерских, понимающие в искусстве священники и граждане примуровывали к стенам церквей и домов всякие скульптурные произведения.

Когда французский путешественник Спон посетил в 1675 году Афины, он видел здесь много домов, над дверями которых вделаны были статуэтки или обломки барельефов, и он заметил, что во многих церквях и в частных жилищах сохранялись античные надписи¹. Обычай украшать дома такими обломками появился в Афинах, как и в Риме, несомненно, в эпоху падения язычества. Иезуит Бабин, видевший Афины одновременно с Спонам, изображает их городом с узкими улицами без мостовых, с жалкими домишками, но не из дерева, как в Константинополе, а из камня, взятого из старинных развалин. Вид Афин в XVII веке немногим, верно, отличался от картины города в XV в.

Во времена Аччьяйоли, если не считать немногочисленных громадных развалин и обращенных в христианские церкви языческих храмов, весь город со всеми его художественными сокровищами — подобно Древнему Риму — как будто опустился под поверхность нового города. Кучи земли и сады покрыли агору, Керамик, берега Илисса, южный склон Акрополя и место храма Зевса. Чудные гробницы перед Дипилоном и по улице Академии, отчасти явившиеся вновь на свет Божий, были под землей, так как среди надписей афинских, скопированных Кириаком, нет ни од-

¹ Voyage de Grece II, 219.